

О. В. БУДАРАГИНА

Санкт-Петербургский
государственный университет

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗГЛЯДАХ ФРОНТОНА (ELOQ. 1, 2)

В статье рассматривается пассаж из книги М. Корнелия Фронтона «De eloquentia» (1, 2), адресованной, по всей вероятности, его ученику Марку Аврелию: «In poetis <aut>em quis ignorat ut gracilis sit Lucilius, Albucius aridus, sublimis Lucretius, mediocris Pacuvius, inaequalis Accius, Ennius multiformis?» В работе делается попытка выяснить, являются ли определения поэтов указанием на особенности литературной манеры или их нужно понимать в контексте литературных стилей. Автор приходит к выводу, что *gracilis*, *sublimis* и *mediocris* являются техническими терминами и обозначают разновидности *genera dicendi*, тогда как *aridus* следует считать не самостоятельным стилем, а разновидностью «простого». Определения *inaequalis* и *multiformis* также нужно рассматривать в контексте использования стилей.

Ключевые слова: римская литература, М. Корнелий Фронто, риторика, литературные стили, *genera dicendi*, эпистолярный жанр.

O. V. BUDARAGINA

St Petersburg State University

ON THE LITERARY JUDGMENT OF FRONTO (ELOQ. 1, 2)

The paper deals with a passage from the book “De eloquentia” (1, 2) by M. Cornelius Fronto that is most probably addressed to his pupil Marcus Aurelius. The author discusses attributes given by Fronto to four Latin poets: “In poetis <aut>em quis ignorat ut gracilis sit Lucilius, Albucius aridus, sublimis Lucretius, mediocris Pacuvius, inaequalis Accius, Ennius multiformis?” The article is to answer the question whether these adjectives denote special features of the poets or are they to be understood in terms of *genera dicendi*. The author comes to a conclusion that *gracilis*, *sublimis* and *mediocris* refer to the three main styles of oratory while *aridus* is rather a defect of the plain style. *Inaequalis* and *multiformis* are also to be seen in the context of employment of *genera dicendi*.

Keywords: Latin literature, M. Cornelius Fronto, rhetoric, literary styles, genera dicendi, epistolary genre.

Книга М. Корнелия Фронтонна «О красноречии» («De eloquentia») состоит из пяти писем, обращенных, по всей вероятности, к Марку Аврелию¹, уже в его бытность императором. Сомнения связаны с тем, что начало текста утрачено, а существующее название условно и восходит к изданию Б. Г. Нибура 1816 г. [Niebuhr, 1816]. В качестве альтернативного адресата А. Маи, а затем и Э. Хаулер предлагали младшего брата Марка Луция Вера [Hout, 1988, p. LIII], с которым Фронто также занимался риторикой. В отношении датировки мы склонны присоединиться к тем, кто считает «О красноречии» поздним сочинением: так, Э. Чемплин [Champlin, 1980, p. 135] и вслед за ним М. ван ден Хаут [Hout, 1999, p. 313] датируют его промежутком 161–167 гг. Это время, когда Марк все более углубляется в философию, и Фронто предпринимает последнюю попытку вернуть его в лоно риторики, поскольку считает это необходимым условием достижения мудрости, столь важной для правителя².

Дополнительным аргументом в пользу того, что книга написана именно для Марка, как кажется, свидетельствует то, что Фронто, приведя вначале примеры из сферы изобразительного искусства и литературы, говорит далее, что его адресат, вероятно, их осудит, а потому переходит к примерам из области философии (Eloq. 1, 3)³. А в четвертом письме книги автор прямо утверждает, что его ученик оставил занятия красноречием и обратился к философии: «Ibi tu mihi videre mor<e iuven>ali et laboris taedio defessus eloquentiae studium reliquisse, ad philosophiam devertisse» (Eloq. 4, 5).

¹ Таково мнение последнего издателя сочинений Фронтонна М. ван ден Хаута [Hout, 1988, p. LIII; 1999, p. 313]. Ранее эту же точку зрения осторожно высказывал К. Р. Хейнс [Haines, 1920, p. 47].

² Подробнее об этом см.: [Champlin, 1980, p. 122–125] и [Hatch, 2005, p. 165–166].

³ Нумерация приводится по изд.: [Hout, 1988].

В начале дошедшей части письма Фронто́н говорит о том, что не готов вопреки природе идти против течения⁴, — так, не нужно требовать от живописцев и скульпторов⁵ делать что-то им несвойственное (в частности, Апеллесу рисовать монохромные произведения, а Фидию ваять безделки, Eloq. 1, 1). Далее приводятся примеры поэтов, историков, ораторов и, наконец, философов, причем каждый из них имеет некую особенность, отличающую его от других (при этом не обязательно похвальную). Во второй части послания (Eloq. 1, 4), которая сохранилась плохо, а конец и вовсе утрачен, Фронто́н меняет тему и высказывается в пользу тщательного отбора слов, что является для него одним из важнейших принципов вообще, но в чем Марк, судя по всему, усомнился.

Теперь рассмотрим более пристально суждение Фронтона о поэтах:

«In poetis <aut>em quis ignorat ut gracilis sit Lucilius, Albius aridus, sublimis Lucretius, mediocris Pacuvius, inaequalis Accius, Ennius multiformis?» (Eloq. 1, 2)

«Среди поэтов кто не знает, как прост Луцилий, Альбуций сух, высок Лукреций, Пакувий умерен, неровен Акций, Энний многообразен?»

Вопрос, который будет интересовать нас, — можно ли считать определения поэтов указанием на индивидуальные особенности авторов (как далее в тексте Фронто́н характеризует историков, ораторов и философов), или же автор имеет в виду разновидности стилей. Впервые (и весьма решительно) предположение о том, что Фронто́н здесь использовал четыре определения, описывающих стиль, выдвинул в конце XIX в. американский филолог У. Минтон (см.: [Minton, 1894, p. XLII–XLIII]). Чтобы проверить эту гипотезу, рассмотрим вначале взгляды оратора на теорию стилей.

⁴ Судя по записи на полях рукописи, как кажется, речь идет о том, что Фронто́н не может в силу возраста и желания изменить свой стиль.

⁵ В вопросах искусства Фронто́н был, скорее, дилетантом, обладая знаниями книжного характера. Несколько из упомянутых произведений он, по всей вероятности, никогда не видел [Hout, 1999, p. 314].

Напрямую по этому поводу Фронто́н высказывается только один раз в письме к Марку (Ad M. Caes. III, 17, 2), которое датируется началом 140-х годов [Hout, 1999, p. 131], когда обучение будущего привителя риторике было в самом разгаре. Фронто́н говорит о больших успехах ученика, несмотря на юный возраст, но в то же время слегка пеняет ему на отсутствие усердия (Ad M. Caes. III, 17, 1). Марк взялся за составление речи в эпидейктическом, т. е. самом трудном, по мнению учителя, стиле (Ad M. Caes. III, 17, 2). Далее в письме приводится традиционная трехчастная классификация стилей:

«Denique cum aequae tres quasi formulae sint orationis, ἰσχυρόν, μέσον, ἄδρόν, prope nullus in epideicticis τῷ ἰσχυρῷ locus, qui est in dicis multum necessarius» (Ad M. Caes. III, 17, 2).

«И поскольку сходным образом⁶ есть три стили речи — простой, средний, высокий, — то простому, который очень необходим в суде, нет места в эпидейктической речи».

Строго говоря, слов ἰσχυρόν, μέσον, ἄδρόν в тексте нет, и они являются записью на полях так называемой *manus secunda* (m^2), относимой к 500 г. Тем не менее все издатели включают перечень стилей в текст, поскольку ниже эти же слова употребляются в косвенных падежах. Нас едва ли должно удивлять отсутствие латинского аналога этого перечня у Фронто́на, поскольку он предпочитает использовать риторические термины на греческом языке.

Каким же образом стили обозначаются в латинском языке у других авторов? Как показывают примеры, у большинства преобладает трехчастное деление:

— *grave, mediocre, extenuatum* (Rhet. Her. IV, 8, 11) (*adtenuatum*, IV, 11, 16);

— *grandiloquum, tenue, medium* (Cic. Orat. 20 ss.); *grave, tenue, temperatum* (53); *grande (grave, copiosum), tenue (subtile, breve), medium* (Opt. gen. or. 2); *grave, subtile, medium* (De orat. III, 177); *plenum, tenue, mediocre* (III, 199);

⁶ Выше речь шла о трех разновидностях красноречия: судебном, совещательном и эпидейктическом.

— «Namque unum *subtile*, quod ἰσχνόν vocant, alterum *grande* atque *robustum*, quod ἄδρόν dicunt, constituunt, tertium alii *medium* ex duobus, alii *floridum* (namque id ἀνθηρόν appellant) addiderunt» (Quint. Inst. XII, 10, 58);

— «Et in carmine et in soluta oratione genera dicendi probabilia sunt tria, quae Graeci χαρακτήρας vocant nominaque eis fecerunt ἄδρόν, ἰσχνόν, μέσον. Nos quoque, quem primum posuimus, '*uberem*' uocamus, secundum '*gracilem*', tertium '*mediocre*'. Uberi dignitas atque amplitudo est, gracili uenustas et subtilitas, medius in confinio est utriusque modi particeps» (Gell. VI, 14, 1–3);

— а) «Genera ... characterum ἄδρόν, id est *amplum* sive *sublime*, ἰσχνόν, id est tenue sive *subtile*, μέσον, id est *mediocre* sive *moderatum*»; б) «ἰσχνῶ generi elocutionis quid est contrarium? aridum ac siccum» (Fortunatianus⁷ (III, 9 = Halm, 125)).

Таким образом, видно, что строгой и единообразной системы обозначения стилей в латыни не существовало, при этом один и тот же автор мог использовать различные слова. Что же до четырехчастной системы, то ее пример есть в греческом варианте в трактате, условно приписываемом Деметрию:

Εἰςὶ δὲ τέτταρες οἱ ἀπλοῖ χαρακτήρες, ἰσχνός, μεγαλοπρεπής, γλαφυρός, δεινός, καὶ λοιπὸν οἱ ἐκ τούτων μιγνύμενοι (Demetr. Eloq. 36).

Именно такое более редкое четырехчастное деление предлагает видеть в пассаже Фронтона его последний издатель и комментатор ван ден Хаут [Hout, 1999, 134 и 316]⁸, по мнению которого латинские слова должны соответствовать: *gracilis* ~ ἰσχνός, *aridus* ~ ξηρός, *sublimis* ~ ὑψηλός, *mediocris* ~ μέσος. При очевидной невозможности доказать прямое влияние Деметрия ван ден Хаут выдвигает гипотезу о заимствовании системы у греческих учителей Фронтона — стойка Антенодота и Дионисия [Hout, 1999, p. 316

⁷ C. Chirius Fortunatianus — автор трех книг «*Ars rhetorica*», время его жизни неизвестно. Сочинение дошло в довольно многочисленных цитатах Кассиодора [Halm, 1863, p. 79].

⁸ Эта же версия (без дополнительной аргументации) принята и в: [Garcea, Lomanto, 2005, p. 43, n. 2].

и 43]. Однако, к сожалению, эта версия практически так же недоказуема, как и предыдущая.

При этом нам встретилось еще одно упоминание о четырех разновидностях стилей — на этот раз в латиноязычной традиции. О них пишет Макробий в «Сатурналиях» со ссылкой на одного из участников беседы — некоего ритора Евсевия, сведущего и в греческой и римской риторике (Macr. Saturn. I, 2, 7):

«Quattuor sunt, inquit Eusebius, genera dicendi: *copiosum*, in quo Cicero dominatur: *breve*, in quo Salustius regnat: *siccum*, quod Frontoni ascribitur: *pingue et floridum* in quo Plinius Secundus quondam et nunc nullo veterum minor noster Symmachus luxuriatur. Sed apud unum Maronem haec quattuor genera repperies» (Macr. Saturn. V, 1, 7).

По совпадению, в этом тексте именно Фронто является характерным представителем одного из стилей. Возможно ли перенесение риторической теории пятого века на середину второго? Ответ на этот вопрос дать непросто, однако нам кажется, что в данном случае следует все-таки опираться на мнение самого Фронтонна, который, как было показано выше, говорит о трехчастной системе. Таким образом, если предположить, что некоторые из определенных в рассматриваемом пассаже действительно обозначают принадлежность поэтов к тому или иному стилю, то этих стилей должно быть, скорее, не четыре, а три.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению каждого из слов, заметим, что за исключением *sublimis* и *mediocris* остальные определения встречаются у Фронтонна по одному разу. Мы считаем, что шесть поэтов в этом перечне разделены попарно: в пользу этого свидетельствует хиастическое расположение прилагательных в первой и последней паре, тогда как в средней прилагательные предшествуют существительным⁹. Косвенным образом такое деле-

⁹ Попытка объединить авторов по смысловому критерию (трое последних — поэты-трагики) и таким образом разделить их на две группы представляется менее удачной, поскольку в этом случае, во-первых, для первых трех авторов (Луцилий, Альбуций и Лукреций) такого критерия нет, а во-вторых, нельзя недооценивать для Фронтонна роли стилистического фактора, в данном случае — порядка слов.

ние подтверждается и попарным распределением историков в следующей фразе¹⁰.

Gracilis Lucilius

Помимо разбираемого пассажа, Г. Луцилий упоминается еще один раз в раннем письме Марку (Ad M. Caes. IV, 4, 3) в ряду латинских авторов, умеющих отбирать слова¹¹, — способность, которая очень ценима нашим автором.

Как было отмечено, ни *gracilis*, ни его производные у Фронтона больше не встречаются. В целом, это слово характерно, преимущественно, для специальной литературы: так, у Плиния Старшего и Колумелы оно используется для обозначения неплодородной земли и тощего скота. Самый ранний пример употребления этого слова отмечается у Теренция («тонкие девушки», Eunch. 314), однако для архаической литературы слово, скорее, редкость. В литературе I в. до н. э. постепенно начинают распространяться новые значения *gracilis*: ‘изящный’¹² и ‘скромный, непретенциозный’¹³.

Однако у Квинтилиана и Геллия (а на деле, как мы увидим ниже, уже у Варрона) слово становится термином, описывающим разновидность стиля («простой»)¹⁴ или манеру письма¹⁵. Примеча-

¹⁰ Среди них антипода не имеет только Сизенна, однако в этом случае ряд издателей предполагают исчезновение имени из списка [Hout, 1999, p. 318–319].

¹¹ Письмо Фронтона — единственное свидетельство об особенностях слоуопотребления Луцилия.

¹² См., например: «Nec quereret, quod sol graciles exureret artus, / Laederet et teneras pussula rupta manus» (Tib. II, 3, 9–10). Сходную картину переноса значений можно наблюдать на примере прилагательного *tenuis*.

¹³ См., например: «<Amor> gracilis» (Prop. II, 13, 3) или «Dum tamen in rebus temptamus carmina parvis, / materiae gracili sufficit ingenium» (Ov. Ex Pont. II, 5, 25–26).

¹⁴ «Nam ut inter gracile validumque tertium aliquid constitutum est, ita horum intervalla sunt atque inter haec ipsa mixtum quiddam ex duobus medium est, quoniam et subtili plenius aliquid atque subtilius et vehementi remissius atque vehementius inuenitur, ut illud lene aut ascendit ad fortiora aut <ad> tenuiora summittitur» (Quint. XII, 10, 66, о разнообразии видов красноречия).

¹⁵ «Nam quis dubitat alia lenius alia concitatus, alia sublimius alia pugnacius, alia ornatus alia gracilius esse dicenda: gravibus, sublimibus, ornatis longas mag-

тельно, что у Геллия, автора следующего за Фронтоном поколения и лично знакомого с ним в юности, из пяти употреблений *gracilis* и *gracilitas* четыре отчетливо использованы для обозначения типа стиля. Все они сконцентрированы в пассаже, где автор рассуждает о трех стилистических регистрах, употребляющихся не только в прозаической, но и поэтической речи¹⁶. Он приводит названия стилей по-гречески и по-латыни, а далее называет представителей каждого со ссылкой на Варрона: «*Vera autem et propria huiuscemodi formarum exempla in Latina lingua M. Varro esse dicit ubertatis Pacuuium, gracilitatis Lucilium, mediocritatis Terentium*» (VI, 14, 6–7). Таким образом, Пакувий ассоциируется с высоким стилем, Луцилий с простым, а Теренций, соответственно, со средним.

Учитывая сказанное, *gracilis* и у Фронтона должно, как кажется, обозначать принадлежность к определенному стилю.

Albucius aridus

Именно так имя поэта читал в рукописи Май, в то время как Хаулер склонялся к варианту *Alburcius*. Поскольку мы не можем достоверно идентифицировать личность этого человека, то вопрос Фронтона «*Quis ignorat?*» по отношению к нему звучит почти иронически.

Нам известно о двух Альбуциях — во-первых, это Т. *Albucius*, оратор-эпикурец, живший около 100 г. до н. э. [Klebs, 1893]. Цицерон упоминает его грекофильство¹⁷ и неодобрительно высказывается об ораторской манере (ND I, 33, 93; Brut. 131). В других сочинениях он цитирует Луцилия, устами Сцеволы упрекающего Альбуция за излишнее старание при составлении речей (Or. 149) и его любовь к греческому (Fin. I, 9, 2–9). М. Шанц предположил,

is syllabas convenire, ita ut lenia spatium, sublimia et ornata claritatem quoque vocalium poscant?» (Quint. Inst. IX, 4, 130, речь идет о составлении проэмиев).

¹⁶ «Et in carmine et in soluta oratione genera dicendi probabilia sunt tria, quae Graeci χαρακτήρας vocant nominaque eis fecerunt ἄδρὸν, ἰσχυρόν, μέσον» (VI, 14, 1–2).

¹⁷ «Doctus etiam Graecis T. Albucius vel potius paene Graecus. Loquor, ut opinor; sed licet ex orationibus iudicare. Fuit autem Athenis adulescens, perfectus Epicureus evaserat, minime aptum ad dicendum genus» (Brut. 131).

что Альбуций, помимо сочинения речей, мог быть автором дидактической поэмы, посвященной эпикурейской философии [Schanz, 1927, S. 224], и в этом случае его появление в ряду поэтов было бы оправдано. Слабость этой версии, однако, заключается в том, что исследователь основывается только на месте из Фронтон. Второй Альбуций — С. Albucius Silus, оратор и преподаватель риторики из Цизальпийской Галлии. Его жизнеописание сохранилось у Светония (Gram. et Rhet. 30), а манера живо описана у Сенеки Старшего (Contr. 7, 1 ss.). При этом вновь нет никаких упоминаний о том, что Альбуций сочинял стихи. В нашем случае было бы соблазнительно принять конъектуру, предложенную Минтоном [Minton, 1894, p. XLIII], — L. Abucius. Тогда речь бы шла о поэте-сатирике I в. до н. э., ученость которого и сочинения «Luciliano caractere» упоминает Варрон, сопоставляя его с Луцилием (RR III, 2, 17), — это кажется вполне правдоподобной парой к сатирику, названному ранее.

Для прилагательного *aridus* хорошо засвидетельствованы примеры, когда оно используется — при этом неодобрительно — для обозначения индивидуальной манеры ораторов, пишущих сухо и безжизненно¹⁸. Однако есть, по меньшей мере, один случай, когда слово может быть понято как термин применительно к разновидности стиля, — это процитированный выше отрывок из Фортунатиана, противопоставляющего *aridus* и ἰσχνός¹⁹. При этом речь, скорее, идет не об отдельном стиле, а изъяде «простого» стиля²⁰. Во взятом вне контекста словосочетании «Albucius aridus» определение вполне могло бы трактоваться как отличительная особенность Альбуция, однако, поставленное в пару с *gracilis*, это слово, как нам представляется, дает более обобщенную характеристи-

¹⁸ См., например, Cic. De orat. II, 159; Sen. Contr. II, praef. 1; Quint. Inst. XII, 10, 14; Tac. Dial. 18.

¹⁹ «ἰσχνῶ γενεῖ ἐλοκutionis quid est contrarium? aridum ac siccum» (III, 9 = π. 125, Ναλμ). Близок к терминологическому употреблению и пассаж из «Риторики к Гереннию»: «Qui non posuunt in illa facetissima verborum attenuatione commode versari, veniunt ad aridum et exangue genus orationis, quod non alienum exile est nominari» (Rhet. Her. IV, 16).

²⁰ Так, Г. Лаусберг относит *aridus* к «vitia genus subtile» [Lausberg, 1990, § 1079, 1g].

ку творчества поэта, а именно, принадлежность к определенному стилю.

Sublimis Lucretius

Лукреций почитаем Фронтоном и упоминается им трижды, причем два раза именно в книге «О красноречии». Еще раз речь о нем заходит в полушутливом сочинении «О каникулах в Альсии»²¹, где наставник советует Марку читать Лукреция для «отдохновения» («Lucretio deleniens») наряду с Плавтом, Акцием и Эннием (De Feriis Alsiensibus 3, 1).

Прилагательное *sublimis* и его производные встречаются у Фронтона семь раз, причем в той же книге «О красноречии» слово является одним из эпитетов, определяющих высокое дарование Марка Аврелия: «Tibi, Caesar, ut cui maxime, sublime et excelsum et amplificum ingenium ab dis datum est» (Eloq. 4, 4)²².

Р. Пуано в работе о ссылках на Лукреция у Квинтилиана, Фронтона и Геллия по поводу нашего места утверждает, что в отсутствии контекста невозможно решить, идет ли речь об определении высокого стиля или возвышенного вдохновения и мыслей [Poignault, 1998, p. 181–182]. Последнее, безусловно, имеет в виду Овидий, упоминающий Лукреция в каталоге значимых для него поэтов:

Carmina sublimis tunc sunt peritura Lucreti,
exitio terras cum dabit una dies (Ov. Am. I, 15, 23–24).

Sublimis как термин для обозначения стиля в латыни встречается не часто, но примеры все же есть: во-первых, у Квинтилиана, который, рассуждая о стилях прозаиков, говорит, что высокому стилю больше соответствуют длинные слоги: «Gravibus, sublimibus, ornatissimis longas magis syllabas convenire» (Inst. IX, 4, 131). При этом нам кажется важным, что он ставит *sublimis* рядом с *gravis*, а это слово

²¹ Фронтон назвал сочинение «Каникулами» иронически, поскольку в действительности Марк отправился в этот этрусский городок, чтобы в течение нескольких дней интенсивно работать [Hout, 1999, p. 509].

²² Ср. также более позднее письмо к Марку: «Unum tibi periculum fuit, Antonine, idem quod omnibus qui sublimi ingenio extiterunt, ne in verborum copia et pulchritudine clauderes» (Ad M. Anton. Caes. I, 2, 4).

у Квинтилиана и других авторов хорошо засвидетельствовано как определение стиля. Второй пример встречается у Фортунатиана, который, переводя греческое *ἀδρός*, использует синонимы *amplus* и *sublimis* (III, 9 = p. 125, Halm).

Подводя итог, попробуем не согласиться с Пуано в том, что в пассаже Фронтона невозможно без контекста уточнить значение *sublimis*, — как кажется, роль такового и выполняют соседние определения, т. е. прилагательное должно с большей вероятностью указывать на то, что Лукреций сочинял в «высоком» стиле.

Mediocris Pacuvius

Это, пожалуй, самое неожиданное определение в ряду прочих. Действительно, если взглянуть на свидетельства о Пакувии в римской литературе, то они в своем большинстве отрицательны: так, например, у Цицерона он и Цецилий названы «male locutos» (Cic. Brut. 258, 9), у Марциала Пакувий с Акцием «изрыгают» свои стихи («vomunt», Mart. XI, 90, 6). Гораздо реже его хвалят за весомость слов и мыслей («Accius atque Pacuvius clarissimi gravitate sententiarum, verborum pondere», Quint. Instit. X, 1, 97)²³. В том же духе высказывается и Геллий, находящий в языке автоэпитафии Пакувия «изящную серьезность» («elegantissima gravitate», I, 24, 4). Однако никто не высказывается об этом авторе нейтрально.

Имя Пакувия у Фронтона встречается только единожды, поэтому у нас нет возможности уточнить его мнение об этом авторе. По счастью, сохранилось внешнее свидетельство Геллия, который, вспоминая о вечере, проведенном на вилле Фронтона, говорит о том, что хозяин дома охотно («libens») припомнил три строчки Пакувия («versus ... iucundissimi», Gell. II, 26, 13). По всей видимости, этому указанию следует доверять (в целом Геллий подробнее рассказывает о поведении Фронтона в кругу друзей, чем он сам), и, скорее всего, оратор относился к Пакувию благожелательно, как, впрочем, и вообще к писателям архаической эпохи.

Вышесказанное, однако, едва ли помогает понять определение *mediocris* применительно к Пакувию. Как же предлагалось решать

²³ Но тот же Квинтилиан пеняет на неудачно составленный композит «incurvicervicum pecus» (Instit. I, 5, 67).

этот вопрос? Наиболее радикальный вариант предложил Уоррен, который буквально применил классификацию Варрона в изложении Геллия к нашему месту: «*Vera autem et propria huiusce modi formarum exempla in Latina lingua M. Varro esse dicit ubertatis Pacuuium, gracilitatis Lucilium, mediocritatis Terentium. Sed ea ipsa genera dicendi iam antiquitus*» (VI, 14, 1), посчитав, что в тексте выпало имя Теренция, который был бы *mediocris*, а перед Пакувием следует добавить *uber* [Minton, 1894, p. XLII]. Это смелое предложение дало бы, конечно, некий приемлемый смысл, однако нам кажется, что подобная «имплантация» невозможна хотя бы потому, что во фразе нарушается парное членение²⁴.

Р. Мараш, исходя из числа упоминаний, полагал, что Пакувий менее значим для Фронтона, чем Акций. Определение *mediocris* он связывает со стилем и видит здесь противопоставление Лукрецию, который для Фронтона «*un très grand poète*» [Marache, 1952, p. 160]²⁵. Исследователь считает, что Фронтоном не мог цениться автор, которого многие критиковали и который не обладал языковым совершенством. Здесь, как кажется, Мараш допускает нелогичность: он смешивает *mediocris* как определение стиля, которое должно быть само по себе нейтрально, и оценочное значение слова.

Но действительно, не может ли это *mediocris* быть в нашем случае оценочным эпитетом?²⁶ Исходя из примеров в «*Thesaurus Linguae Latinae*», «посредственной» называется обычно категория людей: так, «средними» бывают ораторы или поэты²⁷. Нам

²⁴ При этом некоторые современные ученые не решаются принять окончательного решения относительно права на существование этой конъектуры: так, Г. Манувальд считает определение *mediocris* примечательным («*markant*»), или, если принимать конъектуру Минтона, можно, с ее точки зрения, читать *uber* [Manuwald, 2003, S. 18–19].

²⁵ В тексте Фронтона он видит указание на три стиля: *gracilis, sublimis, mediocris*.

²⁶ Так переводит его, например, в своем издании Хейнс (*mediocre* — ‘посредственный’).

²⁷ «*Tantum inter summos oratores et mediocres interesse*» (Cic. Inv. I, 75). «*<...> mediocribus esse poetis / non homines, non di, non concessere columnae*» (Hor. Ars. 372–373). Ср. также с Фронтоном, пишущим о великих и средних ораторах: «*Nos enim distat summus orator a mediocribus, quod ceteri facile con-*

удалось найти всего один пример, когда то же относится и к конкретным людям: Цицерон приводит имена двух ораторов и говорит, что они «mediocres» («Erat in aliquo numero etiam M. Fulvius Flaccus et C. Cato Africani sororis filius, mediocres oratores», Brut. 108, 9)²⁸.

Думается, что определение *mediocris* в данном случае не является отрицательно-оценочным: во-первых, потому что нельзя сбрасывать со счетов свидетельства Геллия об уважении Фронтон к Пакувию; а во-вторых, трудно себе представить, чтобы «посредственность» могла быть чьей-либо отличительной чертой, поскольку ее суть как раз в отсутствии особенностей. По-видимому, слово нужно понимать как «относящийся к среднему стилю» (и в этом смысле Пакувий в самом деле стоит чуть ниже Лукреция, которого автор относит к «высокому»). Подход Фронтон к творчеству Пакувия действительно выделяется на общем фоне и, согласимся с ван ден Хаутом, мог быть итогом самостоятельной классификации [Hout, 1999, 317].

Inaequalis²⁹ Accius

Последняя пара (Акций — Энний) как будто выпадает из предыдущего ряда характеристик, поскольку ни *inaequalis*, ни *multiformis* не употребляются как обозначения разновидностей стиля.

Акций упоминается нашим автором еще два раза. В раннем письме к Марку³⁰ (Ad M. Caes. IV, 3, 2) речь идет о том, что полужнание хуже полного незнания. По мысли Фронтон, это касается и занятий философией, и отбора слов. Поскольку не все древние авторы уделяли достаточно внимания их подбору, он приводит комплиментарный список тех, кто этим занимался, — в их числе оказывается и Акций. Второй раз имя Акция появляется в сочинении

tenti sunt verbis bonis, summus orator non est bonis contentus, si sint ulla meliora» (Ad Marc. I, 2, 7).

²⁸ При этом нам не встретилось случаев, когда конкретный человек был бы назван посредственным поэтом.

²⁹ В рукописи написание m¹ «inaequalis», над ним исправление m² «i(n)al(io) [sc. codice] inaequalis», т. е. это означает, что исправление было сделано по другому списку, находившемуся в распоряжении редактора.

³⁰ Ван ден Хаут датирует письмо 139 г. [Hout, 1999, p. 150].

«De orationibus» (16),³¹ где говорится о том, что он, наряду с Плавтом, Саллюстием, а изредка и Цицероном употребляет определенные слова³², которые у всех на устах.

Прилагательное *inaequalis* еще не встречается у Цицерона, но у Сенеки Старшего и Квинтилиана отчетливо используется в риторическом контексте, указывая на некий недостаток литературного произведения. Так, например, Сенека, рассказывая о Севере Кассии, который был, по его мнению, прекрасным оратором, но слабым составителем декламаций, называет их «неровными» с изъятиями в композиции³³. В другом месте он дает определение Секстилию Эне, сочинителю из Испании, «*inaequalis poeta*», поскольку тот был, скорее, талантлив, нежели образован и местами звучал грубо («*pingue*»)³⁴. Квинтилиан советует избегать перенасыщенности языка и стремиться к умеренному тону, чтобы отдельные находки не выбивались из общего целого, иначе они создадут «неровную и бугристую поверхность» («*inaequalia tantum et velut confragosa*», Inst. III, 8, 60). Ту же «неравномерность» он осуждает и в более специальной сфере, а именно произнесении речей, называя ее чертой, противоположной «*aequalitas*», но призывая при этом не путать «*inaequalitas*» с «разнообразием» тона («*varietas*», Inst. XI, 3, 43).

На фоне общих требований «соразмерности» диссонансом звучит апология Марциала, защищающего свое право писать «неровные стихи» :

³¹ «*Poculum in ore plebis ad hoc pervolgatum est usque hoc genus verborum; Accius, Plautus, Sallustius saepe numero, etiam raro Tullius <adhibet>*».

³² О какой именно категории слов идет речь, не вполне ясно из-за расположенной выше лакуны.

³³ «*Declamationes eius inaequales erant, sed ea quae eminebant, in quacumque declamatione posuisses, inaequalem eam fecissent. Conpositio aspera et quae vitaret conclusionem, sententiae vivae. Iniquom tamen erit ex his eum aestimari quae statim subtexam; non enim haec ille optime dixit, sed haec ego optime teo*» (Sen. Contr. III, praef. 18).

³⁴ «*Sextilius Ena fuit homo ingeniosus magis quam eruditus, inaequalis poeta et plane quibusdam locis talis quales esse Cicero Cordubenses poetas ait, <pin-gue> quiddam sonantis atque peregrinum*» (Sen. Suas. VI, 27).

Iactat inaequalem Matho me fecisse libellum:
Si verum est, laudat carmina nostra Matho.
Aequales scribit libros Calvinus et Umber:
Aequalis liber est, Cretice, qui malus est (Mart. VII, 90, 1).

«Матон носится с тем, что я сочинил неровную книжку. Если это так, то он хвалит мои стихи. Ровные книги сочиняет Кальвин и Умбр. Ровная книга — дурная книга».

Однако перед нами единственная в своем роде попытка оправдать принцип неравномерности [Vioque, Zoltowski, 2002, p. 482], которая, конечно, только подтверждает эстетические установки эпохи.

Как же предлагали понимать *inaequalis* применительно к Акцию у Фронтонa? Р. Клуссманн, не желавший смириться с пейоративным определением, предложил конъектуру *aequalis* [Klussmann, 1874, p. 134]. Это решение представляется нам не вполне удачным, поскольку в этом случае нарушается общая тенденция в парах, где один элемент в чем-то уступает другому. Ван ден Хаут, опираясь на известный рассказ Геллия о встрече Пакувия и Акция (Gell. XIII, 2), когда молодому поэту было указано на то, что в его сочинении есть «звучное и величественное» («sonora ... et grandia»), но в то же время «грубоватое и резкое» («duriora paulum et aserbioga»), видел здесь указание на «взлеты и падения» в трагедиях Акция³⁵. Минтон посчитал ход мысли Фронтонa непонятным, поскольку в других местах тот высказывается о трагике с уважением [Minton, 1894, p. XLIII]. Мараш, кажется, довольно наивно предположил, что это определение относится не к стилю, а к содержанию, так как трагедии Акция «полны разнообразных бурных чувств»³⁶.

Думается, верно это место истолковала Р. Дельи Инноченти Пиерини, которая считает *inaequalis* указанием на «некую стилистическую вариативность» и невозможность отнести Акция к определенному стилю — в противоположность Пакувию и Лукрецию,

³⁵ «Accius had his ups and downs in his tragedies» [Hout, 1999, p. 317].

³⁶ «<...> Les tragédies sont animées de sentiments variés et tumultueux» [Marache, 1952, p. 159].

имеющим точные определения³⁷. При этом с выводом, к которому приходит исследовательница, согласиться трудно: с ее точки зрения, для «аттициста Фронтона» *inaequalitas* была «положительной чертой»³⁸, хотя на деле Фронтоном заботился прямо о противоположном. Так, С. Тимпарано справедливо спорит с ней по этому пункту, отмечая у Фронтона порой «тошнотворное» («*stucchevole*») стремление к *aequalitas* [Timpanaro, 1982, p. 264]. Любопытно при этом, что Делья Инноченти Пиерини оказалась не единственной, кто хотел видеть в указании Фронтона положительную оценку: много лет назад О. Риббек [Ribbeck, 1875, S. 603, Anm. 5] также предположил, что перед нами похвала за то, что Акций избегал монотонности при написании трагедий.

Однако представляется, что Фронтоном не должен кардинально менять значение слова: ведь именно за непривычное словоупотребление он, например, упрекает Марка в сочинении «О речах» (*De orat.* 13–16). Таким образом, *inaequalis* в нашем месте не стоит рассматривать как похвалу, а недостаток следует видеть не просто в наличии удачных и неудачных мест в трагедиях Акция, но трактовать *inaequalis* как «неровный» в отношении стиля, т. е. смешивающий элементы разных стилей, а потому не подходящий ни под одну категорию. Наиболее близкий к нашему случаю внешний пример обнаруживается у Сенеки Старшего, обсуждающего ораторскую манеру Альбуция, который будто бы достигал внешнего блеска, благодаря «неровности» («*Inaequalitatem in illo mirari licebat. Splendidissimus erat*», *Contr.* 7, 3) и использованию в декламациях «низкой» лексики («*<...> res dicebat omnium sordidissimas*», *Contr.* 7, 3), однако по-настоящему хорошим оратором его назвать было нельзя, поскольку эти приемы только портили речь. То, что Фронтоном был чувствителен к соблюдению стилистического единства в пределах одного жанра, видно, в частности, из советов, которые он дает Луцию Веру по поводу разного подхода к написа-

³⁷ Она не соглашается с толкованием Мараша и считает определение Фронтона «*una certa alternanza stilistica, ad una impossibilità forse di essere classificato in uno stile determinato*» [Degl'Innocenti Pierini, 1980, p. 31].

³⁸ «*Sostanzialmente però l'inaequalitas per atticista Frontone è un giudizio positivo*» [Degl'Innocenti Pierini, 1980, p. 31].

нию писем и истории (Ad Verum Imp. II, 15). Попробуем предположить, что при оценке Акция Фронтона также мог иметь в виду невыдержанность стилистического регистра³⁹.

Ennius multiformis

В поэтическом каноне Фронтона Энний безусловно стоит на первом месте, а вслед за учителем его так же любит и Марк — этот автор чаще других цитируется и называется в переписке. Энний составляет их круг чтения: в посланиях неоднократно упоминаются «Анналы», трагедии, и даже перевод фривольного текста «Sota», выполненный поэтом⁴⁰.

Композит *multiformis* (аналог πολύμορφος) не является словом из поэтического словаря [Lindner, 1996, S. 118], а самый ранний пример засвидетельствован у Цицерона (Acad. I, 26), причем уже у него прилагательное выступает в комбинации с *varius*, что будет неоднократно наблюдаться и позднее. Слово могло использоваться как нейтрально⁴¹, так и оценочно — при этом не только одобрительно (Gell. IX, 5, 7), но и осуждающе (Sen. Epist. 120, 22; Quint. Instit. XII, 1, 7, и позднее у Апулея Met. X, 28, 24; X, 34, 15).

О каком же многообразии в данном случае может идти речь? По крайней мере до Фронтона *multiformis* никогда не описывало стиль того или иного автора. Тем не менее И. Фален осторожно предположил, что, принимая во внимание разнообразие жанров, в которых работал Энний, Фронтоном хотел указать на способность поэта использовать разные стили в различных сочинениях⁴². Соглашаясь Фаленом, добавим, что возможность владения несколькими стилями рассматривается Фронтоном даже в пределах одного произведе-

³⁹ Так, позднее Иероним будет писать о «неровности» и «чрезмерности» языка Арнобия («Arnobius inaequalis et nimius», Hier. Epist. 58, 10, 2).

⁴⁰ Марк пишет о том, что Фронтоном был возвращен ему роскошно переписанную копию книги Энния «Sota» (Ad M. Caes. IV, 2, 6). Любопытно, что нам точно известно только о двух книгах (а не эксцерптах), которыми обменялись учитель и ученик [Johnson, 2010, p. 155].

⁴¹ Так, например, Плиний Младший описывает букс (Epist. V, 6, 17).

⁴² «Quae proprietates stili Enniani qua re maxime continetur dubium est, nisi forte illud dicit Ennium, qui multa multumque dissimilia genera poesis tractavit, multas formas orationis coluisse» [Vahlen, 1928, S. LXXIII].

дения. В этом отношении он разделяет традиционную, хотя отчасти и парадоксальную, точку зрения, что начатки риторики были уже у Гомера, а его герои в речах использовали разные «стили»⁴³. Так и Фронто во втором письме книги «О красноречии» напутствует Марка, уже императора, что нужно небезразлично относиться к форме, в которую облечены слова правителя: ведь речи, произнесенные словами Терсита, Менелая или Улисса, будут иметь в сенате разный вес (De eloq. 2, 6). Трудно сказать, распространял ли Фронто подобные представления и на творчество любимого латинского поэта, однако, по всей вероятности, определение *multiformis* по отношению к Эннию действительно нужно рассматривать не как «многообразный» (в широком понимании), а «владеющий разными стилями».

Подведем итоги. Четыре прилагательных из рассматриваемого перечня могли — чаще или реже — применяться для обозначения стилей речи. Именно так, как нам кажется, они использованы и у Фронтонна. Два последних (*inaequalis* и *multiformis*) также, по всей видимости, нужно рассматривать в контексте стилей, а именно — более или менее успешного их использования. Мы также полагаем, что у Фронтонна не стоит усматривать четырехчастную систему стилей: скорее, он приверженец традиционного тройного деления, а *aridus* лучше считать разновидностью «простого» стиля. Судя по всему, Фронто приводит имена поэтов, которые у него наиболее ярко ассоциируются с тем или иным стилем, что в данном перечне и является особенностью каждого автора.

ЛИТЕРАТУРА

Champlin E. Fronto and Antonine Rome. Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press, 1980.

Degl'Innocenti Pierini R. Studi su Accio // Quaderni dell' Instituto di filologia classica "G. Pascuali" dell' università degli studi di Firenze 1. Firenze : CLUSF — Cooperativa Editrice Universitaria, 1980.

⁴³ Plato (Phaedr. 261 b). У римлян в крайней форме эта мысль выражена у Геллия: «Sed ea ipsa genera dicendi iam antiquitus tradita ab Homero sunt tria in tribus: magnificum in Vlixе et ubertum, subtile in Menelao et cohibitum, mixtum moderatumque in Nestore» (VI, 14, 7).

- Garcea A., Lomanto V.* Gellius and Fronto on Loanwords and Literary Models : Their Evaluation of Laberius // Aulus Gellius and his Worlds / ed. by L. Holford-Strevens, A. Vardi. Oxford : Oxford University Press, 2005.
- Haines C. R.* (ed., transl.) The Correspondence of Marcus Cornelius Fronto with Marcus Aurelius Antoninus, Lucius Verus, Antoninus Pius, and Various Friends : in 2 vols. Vol. 1. London : William Heinemann ; New York : G. P. Putnam's Sons, 1919. Vol. 2. 1920 (Loeb Classical Library).
- Halm C.* (ed.) *Rhetores Latini minores*. Lipsiae : Teubneri, 1863.
- Hatch G. L.* Marcus Cornelius Fronto // Classical Rhetorics and Rhetoricians : Critical Studies and Sources / ed. by M. Ballif, M. G. Morgan. Westport ; London : Praeger, 2005. P. 163–167.
- Hout M. P. J. van den* (ed.) *M. Cornelii Frontonis Epistulae*. Lipsiae : Teubneri, 1988.
- Hout M. P. J. van den.* A Commentary of the Letters of M. Cornelius Fronto. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 1999 (Mnemosyne: Bibliotheca classica Batava Supplementum T. 190).
- Johnson W. A.* Readers and Reading Culture in the High Roman Empire : A Study of Elite Communities. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Klebs R.* Albucius (2) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd IA. S. 1., 1893. P. 1330–1331.
- Klussmann R.* *Emendationes Frontoniana*. Berolini : Calvary, 1874.
- Lausberg H.* *Handbuch der literarischen Rhetorik : Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3. Aufl. Stuttgart : Steiner, 1990.
- Lindner T.* *Lateinische Komposita : Ein Glossar vornemlich zum Wortschatz der Dichtersprache*. Innsbruck : Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd 89).
- Manuwald G.* *Pacuvius, summus tragicus poeta : Zum dramatischen Profil seiner Tragödien*. München : K. G. Saur, 2003.
- Marache R.* *La critique littéraire de langue latine et le développement du goût archaisant au IIe siècle de notre ère*. Rennes : Plihon, 1952.
- Minton W.* On a Literary Judgment of Fronto // *Transactions of the American Philological Association*. 1894. Vol. 25. P. XLII–XLIII.
- Niebuhr B. G.* (ed.) *M. Cornelii Frontonis reliquiae ab Angelo Maio / primum editae meliorem in ordinem digestas suisque et Ph. Buttmanni, L. F. Heindorfii, ac selectis A. Maii animadversionibus instructas iterum edidit*. Berolini : G. Reimer, 1816.
- Poignault R.* Les références à Lucrèce chez Quintilien, Fronton et Aulu-Gellu // Présence de Lucrèce : Actes du colloque tenu à Tours (3–5 décembre

- 1998) / éd. par R. Pognault. Tour : Centre de recherches A. Piganiol, 1998. P. 177–198.
- Ribbeck O. Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik. Leipzig : Teubner, 1875.
- Schanz M. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. Bd 1. 4. Aufl. München : C. H. Beck, 1927.
- Timpanaro S. «Studi su Accio» Rita Degl’Innocenti Pierini // Gnomon. 1982. Bd 54. H. 3. P. 262–265.
- Vahlen I. (ed.) Ennianae poesis reliquiae. 2. Aufl. Lipsiae : Teubneri, 1928.
- Vioque G. G. (comm.), Zoltowski J. J. (transl.) Martial. Book VII : A Commentary. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2002.

REFERENCES

- Champlin E. *Fronto and Antonine Rome*. Cambridge (Mass.); London, Harvard University Press, 1980.
- Degl’Innocenti Pierini R. Studi su Accio. *Quaderni dell’Istituto di filologia classica “G. Pascuali” dell’università degli studi di Firenze 1*. Firenze, CLUSF — Cooperativa Editrice Universitaria, 1980.
- Garcea A., Lomanto V. Gellius and Fronto on Loanwords and Literary Models: Their Evaluation of Laberius. *Aulus Gellius and his Worlds*, ed. by L. Holford-Strevens, A. Vardi. Oxford, Oxford University Press, 2005.
- Haines C.R. (ed., transl.) *The Correspondence of Marcus Cornelius Fronto with Marcus Aurelius Antoninus, Lucius Verus, Antoninus Pius, and Various Friends*, in 2 vols. Vol. 1. (Loeb Classical Library). London, William Heinemann; New York, G. P. Putnam’s Sons, 1919. Vol. 2. 1920.
- Halm C. (ed.) *Rhetores Latini minores*. Lipsiae, Teubneri, 1863.
- Hatch G.L. Marcus Cornelius Fronto. *Classical Rhetorics and Rhetoricians: Critical Studies and Sources*, ed. by M. Ballif, M.G. Morgan. Westport; London, Praeger, 2005. Pp. 163–167.
- Hout M.P.J. van den (ed.) *M. Cornelii Frontonis Epistulae*. Lipsiae, Teubneri, 1988.
- Hout M.P.J. van den. *A Commentary of the Letters of M. Cornelius Fronto*. (Mnemosyne: Bibliotheca classica Batava Supplementum T. 190). Leiden; Boston; Köln, Brill, 1999.
- Johnson W.A. *Readers and Reading Culture in the High Roman Empire: A Study of Elite Communities*. New York; Oxford, Oxford University Press, 2010.
- Klebs R. Albucius (2). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd IA. S. 1., 1893. Pp. 1330–1331.
- Klussmann R. *Emendationes Frontoniana*. Berolini, Calvary, 1874.

- Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik: Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3. Aufl. Stuttgart, Steiner, 1990.
- Lindner T. *Lateinische Komposita: Ein Glossar vornemlich zum Wortschatz der Dichtersprache* (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd 89). Innsbruck, Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996.
- Manuwald G. *Pacuvius, summus tragicus poeta: Zum dramatischen Profil seiner Tragödien*. München, K.G. Saur, 2003.
- Marache R. *La critique littéraire de langue latine et le développement du goût archaisant au I^e siècle de notre ère*. Rennes, Plihon, 1952.
- Minton W. On a Literary Judgment of Fronto. *Transactions of the American Philological Association*. 1894. Vol. 25. Pp. XLII–XLIII.
- Niebuhr B. G. (ed.) *M. Cornelii Frontonis reliquiae ab Angelo Maio*, primum editae meliorem in ordinem digestas suisque et Ph. Buttmanni, L.F. Heindorfii, ac selectis A. Maii animadversionibus instructas iterum edidit. Berlini, G. Reimer, 1816.
- Poignault R. Les références à Lucrèce chez Quintilien, Fronton et Aulu-Gellu. *Présence de Lucrèce: Actes du colloque tenu à Tours (3–5 décembre 1998)*, éd. par R. Poignault. Tours, Centre de recherches A. Piganiol, 1998. P. 177–198.
- Ribbeck O. *Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik*. Leipzig, Teubner, 1875.
- Schanz M. *Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian*. Bd 1. 4. Aufl. München, C.H. Beck, 1927.
- Timpanaro S. «Studi su Accio» Rita Degl’Innocenti Pierini. *Gnomon*. 1982. Bd 54. H. 3. Pp. 262–265.
- Vahlen I. (ed.) *Ennianae poesis reliquiae*. 2. Aufl. Lipsiae, Teubneri, 1928.
- Vioque G. G. (comm.), Zoltowski J. J. (transl.) *Martial. Book VII: A Commentary*. Leiden; Boston; Köln, Brill, 2002.

Бударагина Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: o.budaragina@gmail.com
o.budaragina@spbu.ru